

А. П. СКРИПНИК

К проблеме лжи в этике И. Канта

Отношение ко лжи — ахиллесова пята этической теории Канта. В нем отчетливо обнаруживаются шаткость, искусственность и метафизичность кантовских построений. Абсолютное запрещение лжи, если перефразировать собственное выражение Канта, не только «не годится для практики», но и не «верно в теории».

Данный запрет не следует толковать как случайную и необязательную иллюстрацию категорического императива, в чем согласны все участники дискуссии, прошедшей в секторе этики Института философии РАН. Конечно, этическая теория не допускает полной формализации и аксиоматизации, тем не менее норма, запрещающая ложь, логически следует из категорического императива. Вторая его формула: «... Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился к нему только как к средству»¹, — в заключительной части запрещает использовать любого человека только как средство, т.е. исключает обман и насилие по отношению к нему. В качестве иллюстрации применимости категорического императива к необходимым обязанностям перед другими людьми Кант берет ложь. Под ложью имеется в виду не гносеологический, а нравственный факт: намеренный обман другого человека, более точно, обещание, даваемое с намерением не выполнять его. Ложь в этом смысле не допускается и первой формулой категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»². Данная формула запрещает поступать по максима́м (личным правилам поведения), которые нельзя желать в качестве универсального закона. Кант достаточно убедительно показывает, что

¹ Кант И. Основы метафизики нравственности. М.: Мысль, 1999. С. 206.

² Там же. С. 196.

максима «Давай ложные обещания в тех случаях, когда у тебя нет другой возможности выкрутиться из затруднительного положения» не может быть всеобщим законом. Соблюдение обещаний и договоров вообще образует исходную основу нравственности и права, по крайней мере, в той их части, которая связана со справедливостью. Если бы оно отсутствовало, то поведение людей регулировалось бы не правилами, а непосредственными импульсами, будь-то голая природная необходимость или нечто иное, но столь же чуждое рефлексии. Гипотетически можно представить нравственность, построенную на одном только человеколюбии, без справедливости, но это будет совсем не то, что имеет место у людей.

Приведенный здесь чисто этический аргумент недопустимости лжи находится в близком родстве с метафизическим аргументом. Быть нравственным, с точки зрения Канта, означает быть верным самому себе, не искажать своей ноуменальной сущности и не противоречить ей. Ноуменальная сущность человека заключается в том, что он есть *разумное существо*. Быть разумным значит поступать в соответствии с понятиями и принципами разума, т.е. сохранять верность логике (ее основным законам тождества, противоречия, исключенного третьего и т.д.). Разумное существо обязано «смотреть на самого себя как на устанавливающее через максимы своей воли всеобщие законы, чтобы с этой точки зрения судить о себе и своих поступках»³. В способности устанавливать универсальные законы для самого себя и неукоснительно исполнять их Кант усматривал основание человеческого достоинства. Это позволило ему считать ложь «величайшим нарушением долга перед самим собой», ведь каждый человек безусловно обязан сохранять собственное достоинство. «Ложь есть как бы унижение и даже уничтожение человеческого достоинства в себе. Человек, который сам не верит тому, что он говорит другому (хотя бы даже идеальному лицу), имеет еще меньшую ценность, чем если бы он был просто вещью; ведь другой может найти применение вещи, используя ее свойства, поскольку они есть нечто действительное и данное»⁴. Лгущий человек, как убеждает Кант, ставит себя не то чтобы ниже животного, но даже и вещи. Другому на него нельзя опереться, ибо он лишает себя определенности, делает себя не личностью, а «обманчивой видимостью человека». Такая аргументация позволила Канту безусловно отвергать ложь не только как нарушение обещания и договора, но и во всех прочих ее формах, в том числе, ложь во спасение другого человека.

Насколько безупречен метафизический аргумент Канта и насколько оправдано категорическое запрещение лжи в этической теории? По нашему убеждению, которое созвучно с основными положениями доклада Р.Г. Апресяна «О допустимости неправды по обязанности и из заботы»,

³ Там же. С. 211.

⁴ Кант И. Метафизика нравов // Там же. С. 823.

развитыми в представленной здесь статье, кантовскую аргументацию нельзя считать вполне корректной. Может ли одно разумное существо обманывать, т.е. вводить в заблуждение другое разумное существо, не вступая в противоречие со своей собственной сущностью? Может ли обман быть разумным или он является исключительно проявлением неразумия? Делая вывод о том, что разумность и обман совершенно исключают друг друга, Кант проявляет ту же поразительную непоследовательность, которая характерна для его трактовки возможностей теоретического и практического разума. Если теоретический разум, стремясь найти безусловное для того, что ограничено условиями опыта, впадает в скандальное противоречие с самим собой, становится «всецело диалектическим», то в сфере практического, создавая законы для собственного поведения, он может, как надеялся Кант, избежать противоречий. На самом деле, между возможностями теоретического и практического разума не может быть качественных различий, поскольку в своей деятельности человек опирается на познание, на способность предвидеть течение физических процессов и последствия человеческих поступков. В нравственной сфере люди имеют дело с объектами, которые ничуть не проще тех, с которыми они обращаются в познавательной сфере. Пожалуй, даже наоборот, царство свободы сложнее царства природной необходимости, и его члены, поскольку они какой-то своей стороной все-таки принадлежат и природе, ведут себя более неопределенно и непредсказуемо. Мы не намереваемся оспаривать Канта в том, что человеческая свобода начинается с подчинения нравственному закону. Но разве она и заканчивается им? Не предполагает ли она способности снять с себя всякие наложенные самим собой ограничения, поднявшись над ними и осознав их ограниченность? Человеческое достоинство, конечно, коренится в свободе, но свобода весьма неоднозначна. Она постоянно идет вдоль края пропасти, в которой находятся новые, неизведанные возможности, своеволие и произвол. Неужели нет никакого достоинства в умении пройти по этому краю, не свалившись в пропасть?

Нравственность, как было обнаружено после Канта, имеет не менее острые антиномии, чем рациональная космология. Ни в истории реальных нравов, ни в истории этической мысли нет конкретных систем, которые предъявляли бы человеку строго однозначные требования. Христианская мораль, не надо далеко ходить за примером, с одной стороны, призывает подставить правую щеку после того как ударили по левой; а с другой стороны, апеллирует к мечу в руке Господней. И это — не случайная оговорка, а требование самой нравственности. Возможно, в ней действительно есть какие-то абсолюты. Но очень сомнительно, чтобы они представляли собой совершенно конкретные поведенческие рецепты — будь-то предписания или запреты. Скорее, они будут предельно общими, абстрактными и — трудно избавиться от этого подозрения — довольно банальными формулами, типа «твори добро», «избегай зла», «не вреди» и т.п. Золотое правило нравственности и катего-

рический императив принадлежат к этому же ряду. Если относительно языка давно уже признано, что это не *ergon*, а *energeia* (не завершенный продукт, а активность), то почему таковой не может быть и мораль? Почему абсолютное должно быть дано заранее в готовом виде, а не открываться в творческом поиске, в асимптотическом приближении к максимальному учету интересов всех сторон? Разве нравственный абсолют непременно должен исключать выбор и размышление конкретного человека? Поскольку нравственность является активной и творческой деятельностью, она не может быть внеситуативной и надситуативной. Неповторимое своеобразие ситуации, т.е. качественная определенность субъектов и характер отношения между ними нельзя вынести за скобки. Поэтому мораль должна давать свои правила вместе с исключениями, а этика призвана объяснять связь между правилами и исключениями. Возьмем на себя смелость утверждать, что нравственность никогда не будет требовать одинакового отношения к тем, кто принимает ее, и к тем, кто ее напрочь отвергает. Эту ее особенность и допустимо считать абсолютом.

Обман и насилие принадлежат к числу наименее спорных проявлений аморальности. «Талантливый мистер Рипли», как и его ветхозаветный прототип, «лжец и отец всякой лжи», — это крайнее воплощение зла. Категорически осуждая обман, Кант исходил из очевиднейших оснований. Но существует огромная нравственная дистанция между тем, кто сделал обман или насилие стержневым принципом своего поведения, и тем, кто прибегает к ним как к средству предотвращения катастрофы, угрожающей жизни множества людей или даже хотя бы одного человека. Разве можно поставить рядом профессионального мошенника-авантюриста и того, кто умер под пыткой, настаивая на том, что впервые в жизни видит своего соратника? Разумеется, безнравственно использовать человека только как средство для каких бы то ни было целей. Но есть ли гарантия того, что стараясь избежать использования только как средства кого-то одного, я не использую в этом качестве кого-то другого? Если я выдам врагам своего единомышленника из стремления быть правдивым, не будет ли это средством для сохранения собственной правдивости? Безусловный долг быть правдивым имеет силу только для простых и непротиворечивых ситуаций, в первую очередь для тех, в которых *между всеми участниками возможна положительная кооперация*. Но в ситуациях, которые обязательно предполагают *негативную кооперацию* (борьбу), намеренный обман может быть допустим. Нужны только четкие критерии его допустимости, обычно называемые «правилами игры». Допустима, например, ложь во спасение другого человека, но не ради сохранения «великой идеи». Идея, которая для своего утверждения требует обмана, разрушает самое себя. Конкретная нравственная система запрещает не обман вообще, а только определенные его формы. Такая избирательность относится ко всем разновидностям агонистического поведения. Уместно ли по этой при-

чине обвинять в безнравственности все виды спортивных состязаний? Ответ на этот вопрос ясен без всякой теоретической рефлексии.

Выставляя правдивость в качестве совершенной обязанности перед самим собой, Кант был бы прав, если бы нравственность была направлена только на установление положительной кооперации между людьми. Но нравственность не может оставить без внимания и отрицательную кооперацию. Она призвана, по крайней мере, ограничить ее разрушительные последствия для людей. Удостаивая презрением лжеца и лицемера, она не менее сурово осуждает и предателя, «честно» и «откровенно» сообщившего планы своих сподвижников врагу. Неужели Иуда, выдавший Христа властям Иерусалима, заслуживает большего снисхождения, чем какой-нибудь мошенник? Наверное, неслучайно обман и предательство часто ходят рука об руку.

Хотелось бы затронуть еще три сюжета, связанных с обсуждаемой проблемой. *Первый* касается безусловности запрета на ложь, *второй* сводится к вопросу, каким должен быть выбор в ситуации, когда обязанность быть правдивым сталкивается с долгом гуманности; *третий* вторгается в обширную промежуточную область «неясного и нерешенного», в частности, веры в господство сверхчеловеческого начала.

Во-первых, давайте задумаемся в то, что означает безусловность запрета на ложь для понимания самой нравственности. Если нет таких условий и таких ситуаций, в которых ложь не была бы безнравственной, то это значит, что требование правдивости является высшим нравственным требованием, что его следует предпочесть любому другому. Это могло бы иметь место только в том случае, если нравственность возникла как средство предотвращения лжи, если бы в таком предотвращении заключалось главное ее предназначение. Трансцендентальная установка Канта выносит за скобки проблему происхождения нравственности, но степень адекватности ответа на вопрос о праве лгать из человеколюбия может быть установлена только с учетом этой проблемы. На что была направлена нравственность первоначально: на блокирование обмана в словесной или любой другой его форме либо же на какую-нибудь иную цель, типа сближения людей, обеспечения позитивной, ограничения негативной кооперации и т.п.? Когда вопрос ставится в таком ракурсе, ответ становится очевидным. *Блокирование обмана в нравственности выступает средством, а не целью.* Всякое средство оценивается положительно не само по себе, но только по отношению к цели. Единению людей способствует правда, а не ложь. Обману практически всегда сопутствует рознь. Но в исключительных случаях разрыв отношений между людьми вызывается именно правдой. Это, прежде всего, правда предательства и правда циничного расчета. Отстаивая безусловную недопустимость лжи, Кант совершает принципиальную ошибку. Он игнорирует то, что нравственные запреты находятся на более высоком системном уровне, чем простая оценка информации на ее истинность или ложность. Нравственность запрещает не ложь как таковую (это было бы очень просто),

а своеобразное сознательное использование лжи — нарушение правил поведения, которые субъект внутренне принимает и считает обязательными для других субъектов. Она ищет средства поощрения тех, кто принимает ее правила, и обуздать тех, кто над ее правилами смеется. В своем докладе Р.Г.Апресян справедливо отмечает качественное различие между случаем обмана, который Кант разбирает в «Основах метафизики нравственности», и тем, который анализируется в статье «О мнимом праве лгать из человеколюбия». В первом случае речь идет об обмане как нарушении правила, во втором — о простом введении в заблуждение тех, кто ни с какими правилами считаться не намерен.

Во-вторых, в дискуссии о праве лгать из человеколюбия поднимается вопрос о возможности «третьего пути» в ситуации конфликта норм и обязанностей. Противоположность «говорить правду» и «говорить ложь» является контрарной, а не контрадикторной. Между этими двумя способами действия, как отмечает Э.Ю.Соловьев, находится третий способ — «не говорить правды», т.е. способ умолчания. Мы не будем обсуждать здесь, насколько допустим и эффективен путь умолчания в примере Констанана-Канта о домохозяине, его друге и злоумышленниках, но попытаемся взглянуть на ситуацию шире. Ситуация конфликта норм является экстремальной: она ставит конкретного человека перед необходимостью самостоятельного выбора и нравственного творчества. Творческим такой выбор является потому, что здесь не может быть готовых схем (а предписание «молчи!» тоже относится к подобным схемам). Субъект здесь включается в игру с другим субъектом или множеством таковых и должен добиться победы, не нарушая при этом правил игры или стараясь свести нарушения к минимуму. Вероятно, способность к нравственному творчеству сродни тому качеству человека, которое именуют *остроумием*⁵. Это демонстрирует сам Кант в упомянутом в дискуссии эпизоде с клятвенным обещанием прусскому королю Фридриху Вильгельму II. Но, увы, данное остроумие и основанное на нем нравственное творчество часто граничит с софистическими стратегемами и легко переходит в них. Своим обещанием не высказываться по религиозным вопросам Кант не избежал обмана, а сделал его менее доступным для изобличения. Объектом обмана здесь стало публичное мнение. Если Кант произносил свое обещание, сознавая скрытый подтекст оборота «в качестве подданного Вашего Высочества», то он обманывал уже в самый момент произнесения клятвы. Если же формула произносилась без тайного намерения, обман произошел позднее, когда Кант решил воспользоваться ею как оправданием для своих религиозных публикаций. Таким образом, эта остроумная находка Канта должна быть квалифицирована как обман, правда, не из человеколюбия.

⁵ В основе остроумия лежит способность находить выход из ситуации, которая кажется безвыходной. Оно представляет собой умение соединить противоположности, примирить непримиримое.

вых, а из творческих соображений. Но у кого повернется язык осуждать за него великого мыслителя?

Третий сюжет связан с кантовским толкованием нечестности и ее глубинных корней. «Нечестность, — констатирует Кант, — есть отсутствие *совестливости*, т.е. ясности признания перед своим *внутренним судьей*... Эта неясность в объяснениях, которые человек дает самому себе, заслуживает самого серьезного порицания, ибо из такого гнилого места (из фальшивости, которая, по-видимому, имеет свои корни в человеческой природе) зло неправдивости распространяется и в отношении к другим людям, после того как однажды был нарушен высший принцип правдивости»⁶. Судя по этой констатации, Кант осознает тот факт, что нечестность глубоко коренится в человеческой природе, но не ставит вопроса, откуда она там взялась. Если бы данный вопрос был поставлен, то пришлось бы признать, что это — не тяжкое наследие первородного греха, а побочный, но закономерный продукт использования вещей *как знаков*, т.е. придания им какого-то особого, искусственного значения. Более того, пришлось бы допустить, что одним важнейших средств становления человека человеком выступает *мимикрия* (притворство, подражание другому, представление себя кем-то или чем-то иным). Требование полной и окончательной ясности в отношении к самому себе являет собой характерную рационалистическую догму, восходящую к теории врожденных идей. Быть совершенно честным значит, по большому счету, быть самим собой. Но совсем не очевидно, что нравственность сводится к требованию «будь самим собой», что она не призывает «стань лучше».

Стать лучше означает для человека в определенном смысле отказаться от самого себя, подчинить свои естественные побуждения требованиям и образцам, идущим извне. По своей природе люди склонны подражать тем, кого они считают более совершенным. Познавательному отношению к действительности с его ясным и отчетливым различением истины и лжи предшествует отношение веры или доверия. Всякая последовательная вера включает в себя момент *самообмана*. Она делает верующего человека нечувствительным к контраргументам, побуждает игнорировать их либо отводить с помощью примитивных или изошренных рационализаций. Человек верит, например, в справедливость мирового порядка, в то, что зло будет наказано, а добро вознаграждено, даже если факты действительности систематически свидетельствуют о противоположном. Абсолютизируя требование честности по отношению к самому себе, Кант незаметно вступает в противоречие с основным замыслом «Критики чистого разума» — «ограничить знание, чтобы освободить место вере». В пределах одного только разума не может быть никакой религии. Религия покоится не на критических доводах разума, а на вере в высшую реальность и стремлении приобщить-

⁶ Кант И. Метафизика нравов. С. 824.

ся к ней. Ее трудно совместить с «высшим принципом правдивости», о котором говорит Кант. Этот принцип может быть приоритетным для меня как философа, но религиозная вера является неотъемлемым элементом человеческого существования. Она более фундаментальна, чем философия, поскольку является неизбежным продуктом символизации мира и вовлекает в свою орбиту значительное большее число людей. Не закрывает ли требование абсолютной ясности в отношении к самому себе пути к вере?

Подводя итог высказанным соображениям, следует отметить, что мы признаем верными основные идеи доклада Р. Г. Апресяна, представленные в статье. Право на ложь из человеколюбия является не мнимым, а действительным правом человека. Требование «не лги», вопреки мнению Канта, не является абсолютным ни в отношении к другому человеку, ни в отношении к самому себе. Нравственность осуждает ложь не саму по себе, а как характерный способ нарушения обязательности, взаимности, уважительного отношения к человеку. Отрицание абсолютного характера запрета на обман не означает, однако, упразднения абсолютного, точнее сказать, универсального, общезначимого содержания морали. Оно только ставит под сомнение прописной, «законнический» характер этого содержания.

Особенно хотелось бы подчеркнуть эвристическую и эристическую значимость мысли докладчика, высказанной не в самом докладе, а в его обсуждении, мысли, что в кантовской этике нет Другого в собственном смысле, что она принципиально монологична. Нравственность — это не застывший свод фиксированных предписаний и запретов, а креативная деятельность, коммуникативное взаимодействие, диалог со множеством участников, направленный на совмещение интересов каждого из них. Абсолютность нравственности состоит в том, что оптимальный способ совмещения интересов существует. Но он никому из участников — ни простому моральному субъекту, ни этическому эксперту — не дан заранее как монопольное право на истину. Нравственность может быть охарактеризована как становящийся абсолют. Она развивается, стараясь собою как можно большее число людей, т.е. свести к минимуму тех, кто не принимает ее правил, и на кого не распространяется ее защита.